

С.Н. Брежнева

Церемониал приема зарубежных высокопоставленных особ и специфика встреч мусульманских правителей русских протекторатов в Российской империи (конец XIX – начало XX в.)

В статье повествуется о существующем в Российской империи порядке приема высокопоставленных гостей. Отмечается определенная закономерность дворцового церемониала, подчиняющегося строгой регламентации проведения. Особое внимание уделяется порядку встреч правителей мусульманских государств, являющимися протекторатами России. Анализируется специфика их приемов, отличающаяся нюансами, которые, с одной стороны, призваны были продемонстрировать отсутствие различий между их приемами и встречами глав независимых государств, а с другой – подчеркнуть их зависимость от Российской империи. Работа построена на исследовании документов, отложенных в Российском государственном историческом архиве, которые дают возможность проследить выстраивание и изменение отношений между Российской империей и ее протекторатами.

Ключевые слова: Российская империя, церемониальная часть визитов иностранных гостей, министерство императорского двора, протектораты России, специфика приема.

Svetlana N. Brezhneva

Ceremonial reception of foreign dignitaries and the specifics of meetings of Muslim rulers of Russian protectorates in the Russian Empire (late XIX – early XX century)

The article tells about the existing order of reception of high-ranking guests in the Russian Empire. There was a certain regularity of the palace ceremonial, subjected to strict regulation of the conduct. Particular attention is paid to the order of meetings of the rulers of Muslim states which were Russian protectorates. The specifics of their receptions is analyzed, differing in nuances, which, on the one hand, were intended to demonstrate the absence of differences between their receptions and meetings of the heads of independent states, and on the other hand, – to emphasize their dependence on the Russian Empire. The work is based on the study of documents deposited in the Russian State Historical Archive, which makes it possible to trace the formation and change of relations between the Russian Empire and its protectorates.

Key words: Russian Empire, ceremonial part of the visits of foreign guests, Ministry of the Imperial Court, protectorates of Russia, reception specifics.

Коммуникативные приемы являлись важной частью взаимоотношений Российской империи с другими государствами. Церемониал таких встреч призван был продемонстрировать эстетическое здоровье русского общества, его духовное состояние, а также стабильность правящей элиты, поэтому приемам высокопоставленных лиц из зарубежья придавалось большое значение.

Начало изучения истории церемониала было положено в Западной Европе представителями французской школы «Анналов» [3]. В нашей стране их опыт был воспринят медиевистами, написавшими ряд работ о выходах королей Средневековья [10; 34]. В постсоветский период появились исследования, посвященные изучению истории российских придворных церемониалов XVIII и XIX вв. [1; 2], вышедшие после обобщающей работы американского ученого Ричарда Уортмана [36].

Применительно к рассматриваемому периоду рубежа XIX–XX вв. можно выделить несколько работ, затрагивающих церемонию приемов высокопоставленных иностранных гостей. Подготовке придворных мероприятий для встречи именитых гостей из зарубежья и дипломатическим приемам уделено внимание в монографиях О.Ю. Захаровой [8], И.В. Зиминой [9], в диссертационном исследовании С.А. Лимановой [11]. Стоит отметить также статью П.Н. Гордеева [5] о создании Министерства императорского двора (МИДв), менее всех остальных ведомств представленном в научных исследованиях в силу его обособленности от политической жизни страны.

Проблеме взаимоотношений Российской империи с ее протекторатами посвящено немало исследований [7; 37; 16], однако в них лишь частью затрагивалась коммуникационная практика, сложившаяся в результате визитов бухарской и хивинской элиты в Российскую империю. Наиболее близкими нашему исследованию являются монография Р.Ю. Почакаева [17], где рассматривается влияние личностного фактора на взаимоотношения между Российской империей и ее протекторатами, и статья С.В. Дмитриева [6], посвященная подаркам бухарского эмира во время его визитов в Санкт-Петербург как средству коммуникативного воздействия.

Таким образом, трудов, описывающих церемониал приемов иностранных гостей, явно недостаточно, а работы, посвященные специфике встреч глав российских протекторатов, отсутствуют вовсе. Целью данной статьи является, во-первых, восполнение лакуны, образовавшейся в отечественной историографии, а во-вторых, рассмотрение отношения Российской империи к главам своих протекторатов через коммуникативные приемы в ходе их визитов в Санкт-Петербург.

Встречей глав правительств и их наследников занималось специальное ведомство – Министерство императорского двора (МИДв), являвшееся законодателем и хранителем церемониалов. Оно было

учреждено 22 августа (3 сентября) 1826 г., в день коронации Николая I, под названием «Министерство императорского двора и уделов». Именной указ императора, касающийся МИДв, содержал изложенный в семи пунктах «основной закон» придворного министерства, согласно которому министр двора был поставлен над всеми «придворными ведениями». Он был ответственен только перед императором и наделен «исключительным правом объявлять именные указы и словесные повеления монарха по всем учреждениям МИДв» [5, с. 13].

Первым министром нового ведомства был назначен князь П.М. Волконский, которого прочил на эту должность еще покойный Александр I, собиравшийся при жизни ввести данное учреждение. Новое министерство стало самым близким к императору из всех учреждений России, и практически не было интегрировано в их систему. Особое положение нового министерства объяснялось тем, что предметы его деятельности касались исключительно императорского двора и не носили общегосударственного характера.

29 октября 1858 г. к министерству императорского двора была присоединена экспедиция церемониальных дел, находившаяся ранее в ведении МИДа. В круг ее обязанностей входило: наблюдение за этикетом при встрече и проходах иностранных послов, посланников и других дипломатических агентов, извещение о траурах в связи с кончиной иностранных знатных особ, ведение списков прибывающих к императорскому двору дипломатических лиц и почетных иностранцев, представленных к высочайшему двору [12].

Церемониальная часть министерства императорского двора призвана была регулировать все стороны жизни членов императорской фамилии и придворных. Поэтому существовали жесткие правила для всех, принимавших участие в торжественных придворных мероприятиях. Десятилетиями оттачивались все детали «придворных спектаклей» с использованием «зарубежного опыта» [9, с. 210]. Но при этом отличие российских придворных церемониалов от зарубежных заключалось в особой «пышности» церемоний. В эпоху революций в Европе отказались от торжественных помпезных обрядов, поэтому это особенно бросалось в глаза иностранцам.

Посол Франции Морис Палеолог неоднократно отмечал роскошь и высокопарность церемоний в Российской империи. В июле 1914 г. он записал в своем дневнике: «По пышности мундиров, по роскоши туалетов, по богатству ливрей, по пышности убранства, общему выражению блеска и могущества зрелище так великолепно, что ни один двор в мире не мог бы с ним сравниться» [13, с. 14].

Хотя дворцовый церемониал был документирован и подробно расписан, тем не менее регламентирующие документы постоянно подвергались изменениям сообразно обстоятельствам времени и желаниям очередного императора. Так, главным правоустанавливаю-

щим уставом являлось «Положение о выходах при Высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о представлении Их Императорским Величествам, о приглашениях на балы и другие при Дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий». Этот документ был утвержден 13 апреля 1858 г., изменен в 1899 г. и утвержден вновь в новой редакции 20 августа 1908 г. [4, с. 130].

Важнейшей частью придворного церемониала являлись приемы. Подчиняющиеся строгой регламентации проведения, они тем не менее часто выбивались из определенных рамок. Это зависело от многих обстоятельств. Мероприятия имперского уровня проводились, как правило, в Санкт-Петербурге и Москве. В особых случаях количество городов, вовлеченных в церемониал, увеличивалось.

В дни прибытия главы государства будничная жизнь центральных городов прерывалась. Атмосфера праздника царила повсюду на улицах, которые украшались разноцветными флажками, гирляндами зелени, стягами с императорской символикой, атрибутами страны прибывшего высокопоставленного гостя. Особенно преображалась центральная часть города, задействовались набережные и вокзалы. В месте проведения торжества скапливалось большое количество народа. Праздник сопровождался колокольным звоном, пушечной пальбой, игрой военных оркестров, барабанным боем, пением гимна и раздававшимися криками «Ура!» [11, с. 23]. Организаторы тщательно продумывали каждое мероприятие, осуществляли подготовку, выбирали специальное место для заполнения его участниками.

Одним из неперенных атрибутов международной вежливости являлись подарки. Без них не обходился ни один визит. Обмен подарками являлся важнейшей частью церемониала встречи высокого гостя. Преподносились уникальные изделия местных умельцев, дорогие меха, ткани, драгоценные камни, золотая и серебряная посуда, редкое оружие и доспехи, породистые рысаки и др., а также произведения искусства, имеющие высочайшую ценность. Существовала практика одаривать не только членов императорской семьи, но и чиновников высокого ранга.

Для учета и хранения подарков при министерстве императорского двора был создан специальный камеральный отдел, в ведении которого находились: комната императорских регалий и коронных бриллиантов в Зимнем дворце, кладовая драгоценных вещей, камней и гардероб высочайших особ, а также кладовая каменных изделий. Подарки иностранных гостей, поступающие в распоряжение этого отдела, зачастую передавались в музейные собрания или же оседали во дворцах, принадлежащих императорской фамилии.

При выборе подарка учитывались разные моменты и обстоятельства: отношения со страной, национальность гостя, его возраст, интересы. В каждой стране есть свои особенности, обычаи, суеверия и предрассудки, что необходимо было иметь в виду при выборе подарка.

То, что с благодарностью принимается в одной стране, может быть негативно воспринято в другой и даже стать причиной конфликта.

В рассматриваемый период министром императорского двора был Илларион Иванович Воронцов-Дашков, занимавший этот пост с 1881 г., т. е. с воцарения Александра III, до 1897 г., когда на этом посту его сменил Владимир Борисович Фредерикс. Он стал последним министром императорского двора, так как после Февральской революции данное ведомство так же, как и все, имевшие отношение к монархии, было упразднено.

Участие в церемониалах являлось важнейшей обязанностью высших сановников государства. В ожидании визита велась оживленная переписка, участниками которой были министр императорского двора, министр иностранных дел, управляющий кабинетом его императорского величества, иногда военный министр.

При встрече высокопоставленного гостя учитывались все нюансы, связанные с его страной, обычаями, взаимоотношениями с Российской империей. Приемы глав мусульманских государств, естественно, обладали своей спецификой из-за разницы религии, менталитета, обычаев и традиций. Нужно было действовать крайне осторожно, чтобы не задеть национальные и религиозные чувства. Поэтому в обсуждении визита мусульманского правителя участвовал и директор Азиатского департамента. А при встрече глав российских протекторатов (о которых пойдет речь далее) привлекался и туркестанский генерал-губернатор, что свидетельствует об отношении к ним как к зависимым владыкам.

Формально главы Бухарского эмирата и Хивинского ханства являлись самостоятельными правителями, но по договорам, заключенным с Российской империей в 1868 г. (с Бухарой) и в 1873 г. (с Хивой), они были ограничены во внешней политике. При приемах, однако, им старались продемонстрировать всяческое уважение, чтобы не задеть их достоинства.

Первым посетил Российскую империю бухарский эмир Сейид-Абдул-Ахад. Он был представлен Александру III на коронации в 1883 г. еще будучи наследником бухарского престола [29, л. 23 об.]. Первый официальный визит в качестве эмира Бухарского Сейид-Абдул-Ахад совершил через десять лет – в 1893 г. [29, л. 23 об.].

Но за два года до его визита 25 марта 1889 г. русский император принимал бухарское посольство, которое было представлено ему на церковном параде конного полка. Из донесения военного министра П.С. Ванновского министру императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову следует, что бухарскому эмиру были пожалованы бриллиантовые знаки ордена Белого орла, которые должны были передать члены посольства. Они также не были обделены и получили подарки на сумму 23 тыс. р., отпущенные из государственного казначейства.

П.С. Ванновский писал: «... по принятому обычаю одаривать среднеазиатские посольства, прибывающим по разным случаям» [28, л. 1–2] и представлял длинный список вещей, подаренных эмиру, его сановникам, лицам, составляющим посольство, и слугам. Бухарскому эмиру – 18 наименований, в т. ч. парчовый халат, бархатный халат, бархатная шуба, серебряный чайный сервиз с позолоченными орлами и т. п. Для посланца эмира Джан Мирзы-бея Перваначи – девять наименований, для старшего советника посольства Мирзы Насрулла-бея – семь наименований. Не были забыты свита, прислуга и конюхи [28, л. 3–5]. Конечно, бухарское посольство тоже прибыло не с пустыми руками: и император, члены его семьи, высшие сановники были щедро одарены.

Визит Сейид-Абдул-Ахада первоначально планировался на июль 1892 г. Генерал-губернатор Туркестанского края барон А.Б. Вревский отправил телеграмму о желании эмира, который собирался прибыть вместе с сыном, после Петербурга посетить Тифлис и Владикавказ и о количестве человек, следовавшим вместе с ним. Военный министр П.С. Ванновский, министр императорского двора И.И. Воронцов-Дашков и управляющий кабинетом его императорского величества Н.С. Петров вели обширную переписку, согласовывая маршрут следования эмира. Однако в Средней Азии разразилась эпидемия холеры и визит был отложен [29, л. 15].

Согласно донесению туркестанского генерал-губернатора барона А.Б. Вревского военному министру П.С. Ванновскому Сейид-Абдул-Ахад выехал из Бухары 7 декабря 1892 г. [21, л. 20]. Он должен был проследовать в Баку, затем пароходом каспийской флотилии в Тифлис, Владикавказ, Рязань, затем в Москву и наконец в Санкт-Петербург. В Баку отправился полковник Генерального штаба Д.В. Путята, который должен был позаботиться о размещении эмира. Об удобстве нахождения эмира в Санкт-Петербурге должен был подумать заведующий Азиатской частью Главного штаба генерал-лейтенант А.П. Проценко. Для представления эмира императору было задействовано министерство иностранных дел [29, л. 20–21].

Через десять дней 17 декабря 1892 г. бухарского эмира торжественно встречали в Баку, куда он прибыл на пароходе, полковник Д.В. Путята и первые лица города. Эмир расположился в доме азербайджанского просветителя Гасан-бека, куда для нанесения визита прибыл губернатор Бакинской губернии В.П. Рогге. По пути следования эмира его встречали вице-губернаторы. Во время пребывания в Тифлисе Сейид-Абдул-Ахад нанес визит главноначальствующему гражданской частью на Кавказе С.А. Шереметеву, который ответил ему визитом в Москве. В своем дневнике бухарский эмир подробно описал свое посещение Баку и Тифлиса [35].

В Москве Сейид-Абдул-Ахад проживал в Большом Кремлевском дворце с 27 по 31 декабря 1892 г. [29, л. 30]. Естественно, что нужно

было позаботиться о доставке продуктов и приготовлении пищи для высокопоставленного гостя. Был составлен подробный реестр, включавший наем поваров, доставку продуктов и напитков, расходы на прачечные заведения и экипажи. Визит эмира в Москву обошелся казне в 3209 р. 65 к. [27, л. 1].

В Петербург Сейид-Абдул-Ахад прибыл 1 января 1893 г. в 8 ч вечера по Николаевской железной дороге. На вокзале его встречали заведующий Азиатской частью Главного штаба генерал-лейтенант А.П. Проценко и вице-директор Азиатского департамента МИДа Васильев. Для встречи было назначено восемь придворных экипажей [29, л. 32].

Разместили эмира в Зимнем дворце, в покоях, которые до него занимал персидский шах. Вероятно, это должно было подчеркнуть, во-первых, статус правителя независимого государства, а во-вторых, интерьер комнат был выдержан в восточном стиле. Сопровождавшие эмира чиновники были расквартированы по наемным помещениям [29, л. 19].

Церемониал визитов эмиру и ответные его визиты подробно были расписаны в докладе военного министра П.С. Ванновского императору «О порядке встречи эмира Бухарского» от 27 ноября 1892 г., т. е. почти за месяц до его прибытия в Санкт-Петербург. В Зимнем дворце его должны были посетить директор Азиатского департамента и помощник начальника Главного штаба. В свою очередь эмир должен был нанести визиты военному министру, министру иностранных дел, министру императорского двора, а затем начальнику Главного штаба и директору Азиатского департамента. После этого эмир мог быть представлен их императорским высочествам, наследнику цесаревичу и великим князьям. И в завершение Сейид-Абдул-Ахад должен был предстать перед российским императором Александром III [29, л. 28–28 об.].

Важнейшей частью официального визита любого высокопоставленного гостя являлся обмен подарками. Дары бухарского эмира отличались восточным своеобразием. Они подробно описывались в русской прессе, что свидетельствовало о том, что никакого секрета из этого не делали. На страницах журнала «Нива» подробно перечислялись подарки эмира, которые состояли из восточных ковров и дорогой материи, каракулевых мехов, золотых чаш и серебряных сервизов, ожерелий с драгоценными камнями и бриллиантами. Особенно поразили воображение читателей сабля в золотых ножнах, осыпанных бриллиантами, предназначавшаяся в дар русскому императору, и сшитый сплошь из жемчуга зонтик для императрицы. Подробно расписывались 17 лошадей различных пород и атрибутов для верховой езды, предназначавшихся для великих князей и княжон [15, с. 74].

Журнал «Родина» также дал подробное описание визита и подарков эмира и, кроме того, описание внешности Сейид-Абдул-Ахада: красиво сложенный брюнет «с очень выразительным лицом и большой, черной, как смоль, окладистой бородой» [14]. Также сообщалось, что вместе с ним прибыл его двенадцатилетний сын Сейид Алим-хан. По просьбе эмира и с согласия российского императора он был официально признан наследником бухарского престола [29, л. 6 об.]. Помимо этого, Сейид Алим-хан был определен в Николаевский кадетский корпус, по окончании которого в апреле 1896 г. он был произведен в хорунжи с зачислением по Терскому казачьему войску с присвоением звания «флигель-адъютант».

Широко практиковалось взаимное награждение орденами не только первых лиц государства, но и их родственников. В октябре 1893 г., уже после завершения своего визита, Сейид-Абдул-Ахад послал брату императора Александра III великому князю Владимиру Александровичу бриллиантовые знаки бухарского ордена Короны с лентой, о чем сообщил в письме [31, л. 3 об.]. Этот орден был учрежден эмиром Бухарским в 1886 г. и присуждался как местным чиновникам, так и представителям русской администрации.

Бухарский эмир Сейид-Абдул-Ахад посещал Санкт-Петербург с официальными визитами еще пять раз – в 1896, 1898, 1902, 1906 и 1910 гг. Он был довольно образованным человеком, полиглотом, много знал и русский язык.

Будучи на коронации Николая II, Сейид-Абдул-Ахад получил титул «высочество», [20, л. 2], который был пожалован ему 12 мая 1896 г. Хивинскому хану, также прибывшему на коронацию, было пожаловано звание «сиятельство» [20, л. 4]. Эмира явно расценивали в Российской империи как более значимую фигуру так как титул «высочество» применяли только к принцам крови, а «сиятельство» – к князьям и графам. Все это позволяло играть на чувствах правителей протекторатов.

На время следующего визита эмира Бухарского в Петербург летом 1898 г. приходится обсуждение предложения военного министра А.Н. Куропаткина относительно сокращения подарков со стороны эмира туркестанскому генерал-губернатору. Будучи знатоком среднеазиатских обычаев, А.Н. Куропаткин призывал действовать дипломатично, учитывая восточную психологию, чтобы не затронуть чувства эмира отказом [32, л. 175 об.]. Однако в августе 1898 г. ходатайство Куропаткина было удовлетворено императором и принято решение о прекращении посольств с подарками к туркестанскому генерал-губернатору [32, л. 176 об.]. Эмир был поставлен в известность, тем не менее подарки продолжали отправляться в Ташкент. На Санкт-Петербург и Россию в целом это решение не распространялось, и вопрос этот не обсуждался до 1910 г.

Но со временем становилось все тяжелее устраивать пышные приемы и одаривать дорогими подарками прибывающих высокопоставленных особ. Средства изымались из канцелярии министра императорского двора, из кабинета его императорского величества, ведавшего личным имуществом императорской фамилии, из военного министерства. Между ними велась обширная переписка, каждое из них стремилось переложить на плечи другого ведомства тяжкий груз проблем, связанных с визитами. Например, на просьбу военного министра в 1898 г. был получен категорический отказ от управляющего кабинетом ЕИВ Н.С. Петрова, который писал, что расходы на подарки в этот раз не могут быть отнесены на средства кабинета ЕИВ [25, л. 2]. Однако, согласно документам, средства все-таки были выделены.

В 1898 г. на подарки эмиру и его сопровождающим было отпущено 7040 р. из кабинета ЕИВ, в том числе медальон с портретом императора, украшенный бриллиантами для ношения на груди для эмира на сумму 5815 р. [22, л. 7]. В 1902 г. из кабинета ЕИВ было отпущено подарков на сумму 15 019 р., на счет военного министерства было отнесено чуть более 2 тыс. р. [22, л. 2]. Кроме того, был выделен кредит для оплаты по счетам на его пребывание в Москве общей суммой 1770 р. [26, л. 6].

Очередной визит эмира, запланированный на осень 1906 г., обсуждался в переписке между ведомствами с точки зрения неблагоприятной ситуации в стране (вероятно, имелись в виду революционные события). Военный министр А.Ф. Редигер в секретном письме от 19 октября 1906 г. управляющему кабинетом ЕИВ князю Н.Д. Оболенскому предлагал в связи с этим отнести все средства на встречу и подарки эмиру из ведомства кабинета, сократив при этом итоговую сумму до 25 тыс. [22, л. 1 об.]. Императором сумма была одобрена [22, л. 2 об.]. Правда, Оболенский, вероятно, по собственной инициативе, снизил изначальную сумму до 20 тыс. р. Из государственного казначейства на проезд эмира также были отпущены 20 тыс. р. [23, л. 1].

В ожидании последнего визита эмира Сейид-Абдул-Ахада в Санкт-Петербург в 1910 г. также обсуждались суммы, которые следовало отпустить на подарки. В обращении военного министра генерала В.А. Сухомлинова к министру императорского двора барону В.Б. Фредериксу от 1 декабря 1909 г. назывался размер предполагаемой суммы в 15 тыс. р. [23, л. 1 об.], на что было получено согласие императора [23, л. 2]. Таким образом, расходы на подарки постепенно сокращались.

В это время возобновилось обсуждение по поводу подарков эмира высокопоставленным чинам империи, которое было начато еще военным министром А.Н. Куропаткиным в 1898 г. Вопрос этот обсуждался вначале в Ташкенте, а затем на заседании Совета министров.

Здесь было отмечено, что подношения эмира высочайшим особам имеют характер как бы дани. Таковую дань «токсан-тартук» по сложившемуся обычаю самому эмиру преподносят зависимые от него беки. Ввиду этих соображений нежелательно упразднить этот обычай, чтобы подчеркнуть зависимость эмирата от Российской империи [32, л. 177].

Последнее посещение Сейид-Абдул-Ахадом Санкт-Петербурга совпало с 25-летием его правления в Бухарском эмирате, в честь чего он был награжден бриллиантовым орлом к цепи ордена Андрея Первозванного нехристианского образца, который был ему пожалован в 1908 г. [23, л. 15]. Для торжественного события был изготовлен нагрудный бриллиантовый знак для ношения на Андреевской ленте с цифрой «XXV» [23, л. 24].

Этот его визит был ознаменован еще одним знаменательным событием – официальной закладкой мечети в центре Санкт-Петербурга, на строительство которой эмиром было испрошено разрешение и выкуплен земельный участок за 350 тыс. р., пожертвовано 100 тыс. на само строительство, собрано с бухарских купцов 200 тыс. р. [14]. Мечеть по праву считается одной из крупнейших в Европе и по сей день украшает северную столицу.

Как бы выполнив свое предназначение закладкой мусульманской святыни в столице христианского государства, эмир Сейид-Абдул-Ахад скончался в Кермине в ночь с 22 на 23 декабря 1910 г. 25 декабря министр иностранных дел С.Д. Сазонов испросил разрешение у императора именовать нового эмира Сейид-Мир-Алима «высочеством», на что Николай II ответил согласием [32, л. 229, 233, 243].

Новый эмир трижды посещал Санкт-Петербург: в 1911, 1913 и в 1915 гг. Визит 1913 г. был приурочен к торжеству по случаю 300-летия празднования дома Романовых. В честь выдающейся даты для эмира был изготовлен портрет императора, украшенный бриллиантами стоимостью 5 тыс. р. [32, с. 5, 13]. 21 февраля в еще строившейся мечети в Санкт-Петербурге в присутствии Сейид Мир-Алима было совершено первое торжественное богослужение, приуроченное к празднованию 300-летия царской династии Романовых. Тот факт, что на деньги эмира в Санкт-Петербурге для него был выстроен дом, свидетельствует о перспективе дальнейшего взаимодействия с Российской империей. Однако дальнейшие события внесли свои коррективы во взаимоотношения двух государств.

Отношения Российской империи с Хивинским ханством были более напряженными. Вплоть до завоевания в 1873 г. Хива оставалась враждебным государством.

Хивинский хан Мухаммад-Рахим был политическим долгожителем, так как правил 46 лет (1864–1910). Впервые он посетил Санкт-Петербург в 1883 г. Александр III в знак своего расположения наградил его орденом Святой Анны I степени с бриллиантами. Бухарскому

эмиру Музаффару такой же орден был доставлен в Бухару, так как на встрече с императором присутствовал его наследник, будущий эмир Сейид-Абдул-Ахад. В 1891 г. хивинский хан был награжден орденом Белого орла, являвшимся династической наградой. Орден был доставлен в Хиву, бухарскому эмиру такой орден был вручен два года спустя во время его визита в Санкт-Петербург. Таким образом, в Российской империи всячески старались продемонстрировать главам протекторатов, во-первых, свое уважение, во-вторых, деликатно намекали на то, что их государства не являются абсолютно самостоятельными.

В следующий раз Мухаммад-Рахим побывал в Санкт-Петербурге в 1896 г. на коронации Николая II. 7 мая он и бухарский эмир Сейид Абдул-Ахад присутствовали на торжественном приеме в Петровском дворце. В честь коронации хану был вручен бриллиантовый вензель его императорского величества Николая II и пожалован титул «сиятельство» [20, л. 4].

Надо сказать, что хан не особенно баловал столицу своими посещениями. Однако он не был обойден монаршей милостью. В 1900 г. в Санкт-Петербург прибыл его наследник Сейид Асфендиар-Тюря, который в честь визита был награжден орденом Святой Анны I степени с бриллиантами, установленный для нехристиан, и получил вензель его величества, также украшенный бриллиантами. Чиновники, сопровождавшие его, также получили подарки: золотые (5 шт.) и серебряные (7 шт.) часы [19, л. 11]. Хивинскому хану Мухаммад-Рахиму был передан орден Святого Александра Невского. В кассу министерства императорского двора было внесено 4216 р. за доставленные из кабинета ЕИВ подарки для наследника хивинского хана и сопровождавшим его лицам [19, л. 12].

В 1902 г. хивинскому хану был присвоен титул «ваша светлость», который был выше дарованного ему в 1896 г. титула «сиятельство», хотя в этом отношении он и уступал бухарскому эмиру, носившему титул «высочество». В 1904 г. он был произведен в генералы от кавалерии, а наследник – в войсковые старшины по Оренбургскому казачьему войску [21, л. 2]. В 1907 г. Мухаммад-Рахим получил бриллиантовые знаки к ордену Александра Невского, а в 1908 г. ему был пожалован орден Святого Владимира I степени.

На подарки хивинскому хану денег отпускалось всегда меньше, чем эмиру Бухарскому, если их визиты совпадали. На заседании Совета министров 28 января 1910 г., где обсуждался вопрос об упразднении подарков, Хивинскому ханству также уделили внимание. В ответе МИДа отмечалось, что положение Хивинского ханства «в значительной степени отличается от положения Бухарского эмирата», но МИД присоединяется к принятому в Ташкенте решению и «полагает сохранение в отношении этого ханства «статус-кво» по тем же соображениям, что и в Бухаре» [32, л. 179 об.]. МИД соглашался с упразд-

нением подарков местной русской администрации со стороны глав протекторатов.

Мухаммад-Рахим скончался в 1910 г., на четыре месяца раньше своего «коллеги», бухарского эмира. И в управление ханством вступил его наследник Сейид-Асфендиар-Тюрк [32, л. 214].

Новый хан был в Санкт-Петербурге два раза. Оба его визита совпали с визитами бухарского эмира. Позволим себе предположить, что это не являлось случайностью. Денег в казне не хватало, пышные приемы уходили в прошлое. Поэтому экономнее было принимать среднеазиатских правителей одновременно. Причем на прием и подарки хивинскому хану денег отпускалось меньше, чем бухарскому эмиру. Вероятно, это также не является случайностью. Очень многое зависело от личности правителя, и если Сейид-Абдул-Ахад старался сблизиться с российским императором, а его наследник вообще жил и учился в России, имел здесь много друзей, то о хивинских ханах подобного сказать нельзя. Изначальная враждебность Мухаммад-Рахима предопределила и отношение к его наследнику.

Вот и на встречу хивинского хана 26 мая 1911 г. было отпущено из кабинета ЕИВ 10 тыс. р., тогда как на прием бухарского эмира – 15 тыс. р. [24, л. 2–2 об., 10–10 об.]. Церемониал встречи хивинского хана почти не отличался от встречи бухарского эмира. Порядок встречи в туркестанских городах зависел от туркестанского генерал-губернатора. В губернских городах на вокзале хана должны были встречать представители генерал-губернатора, сами же они должны были наносить ему визит только в случае длительной остановки. В Москве хана должен был встретить штаб-офицер, в обязанности которого входило сопровождение Асфендиар-хана в столицу. А в Петербурге на вокзале его встречал начальник Азиатской части Главного штаба генерал-майор С.В. Цейль. Хан должен был нанести визиты премьер-министру и некоторым министрам, которые должны были также сделать ответные визиты ему. Только после этого он мог быть представлен государю императору. В столице хан должен был пробыть 10–14 дней [18, л. 9]. Такой порядок соблюдали и в следующий проезд хана в 1913 г.

27 мая 1911 г. Николай II лично вручил хану знаки ордена Белого Орла. В донесении министра императорского двора барона В.Б. Фредерикса императору был представлен список подарков для хивинского хана на сумму 8650 р. [24, л. 23]. Кроме того, он был зачислен в свиту его величества.

Следующий визит Асфендиар-хана в Санкт-Петербург состоялся в 1913 г. и был приурочен к празднованию 300-летия правления династии Романовых. В этот раз на подарки хану было израсходовано 8914 р., для хивинских сановников предполагалось три пары золотых часов [30, л. 16]. Ему лично был преподнесен настольный медальон, украшенный бриллиантами [30, л. 28]. От императора хивинский хан полу-

чил титул «высочество», который уравнивал его в статусе с бухарским эмиром. Вместе они принимали участие в первом богослужении в новой соборной мечети в Санкт-Петербурге, заложенной отцом действующего эмира Сейид-Абдул-Ахадом, о чем с восторгом писала петербургская пресса [33, с. 3].

Больше Асфендиар-хан в России не был. Вскоре началась война, а в 1918 г. он был убит в ходе государственного переворота приспешниками предводителя туркменского племени Джунаид-хана. Что же касается бухарского эмира, то после захвата частями Красной армии Бухары, он бежал в Афганистан, где получил убежище. Скончался в 1944 г.

Итак, специфика визитов среднеазиатских правителей протекторов России заключалась в том, что при показной пышности их встреч, отношение к ним было как к подданным. Например, об этом свидетельствует тот факт, что в согласовании их визитов между российскими министрами не участвовал министр иностранных дел. Следовательно, мусульманских правителей не считали главами самостоятельных иностранных государств.

Кроме того, зависимость подчеркивалась с самого начала процедуры встречи, так как об их визитах сообщал туркестанский генерал-губернатор. Участие военного министра в согласовании встреч и подарков также является доказательством того, что военно-административное управление Туркестанским краем автоматически переносилось на российские протектораты.

В обоих протекторатах при владельцах находились контролирующие органы. В Бухаре это был политический агент, а в Хиве – Амударьинский отдел, который играл роль аналогичную политическому агентству в Бухаре [17, с. 295]. Но по иерархии оба правителя были выше туркестанского генерал-губернатора, так как являлись обладателями титула «высочество».

При кажущемся неизменном укреплении связей Российской империи с ее протекторатами следует иметь в виду, что речь идет о представителях разного менталитета востока и запада, отличающихся иногда противоположными представлениями. И это не могло не отразиться на их дальнейших взаимоотношениях.

Список литературы

1. Агеева О.Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII в. – М.: Новый хронограф, 2013. – 928 с.

2. Беляцкая А.А. Культурообразующие функции придворного российского этикета в первой половине XVIII в.: автореф. ... канд. культурологии. – Саранск, 2007. – 18 с.

3. Блок М. Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии / предисл. Ж. Ле Гоффа; науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. – М.: Языки русской культуры, 1998 (фр. – 1924). – 712 с.

4. Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем: справ. – М.: Кучково поле, 2013. – 320 с.
5. Гордеев П.Н. История учреждения министерства императорского двора // Петербург. ист. журн. – 2014. – № 3. – С. 5–17.
6. Дмитриев С.В. «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. // Рахмат-наме: сб. ст. к 70-летию Р.Р. Рахимова / отв. ред. М.Е. Резван. – СПб.: МАЭ РАН, 2008. – С. 117–129.
7. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Петроград: Типо-лит. Н.И. Евстифеева, 1915. – 215 с.
8. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. – М.: Центрполиграф, 2001. – 329 с.
9. Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М.: Центрполиграф, 2011. – 580 с.
10. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал / отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М.: Наука, 2004. – 540 с.
11. Лиманова С.А. Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II: автореф. ... канд. ист. наук. – СПб., 2013. – 30 с.
12. Лядов П.Ф. История российского протокола. – М.: Междунар. отношения, 2018. – 352 с. – URL: <https://imobook.ru/preview/978-5-7133-1612-9.pdf> (дата обращения: 1.09.2021).
13. Морис Палеолог: дневник посла / пер. с фр. Ф. Ге и др. – М.: Захаров, 2003. – 829 с.
14. Недвецкий А.Г. Правители Бухары. – URL: <https://greylib.align.ru/410/a-gnedveskij-praviteli-buxary.html> (дата обращения: 14.04.2021).
15. Подарки эмира Бухарского, поднесенные Государю Императору, Государыне Императрице и другим Членам Августейшего Дома // Нива. – 1893. – № 3.
16. Почекаев Р.Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право: журн. Высш. шк. экон. – 2016. – № 3. – С. 172–184.
17. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии XVIII – начала XX в. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. – 381 с.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 106.
19. РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 411.
20. РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 732.
21. РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 901.
22. РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 928.
23. РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1040.
24. РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1167.
25. РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 2239.
26. РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 1000.
27. РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Д. 238.
28. РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 901.
29. РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036.
30. РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1336.
31. РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 52.
32. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173.
33. Санкт-Петербургские ведомости. – 1913. – 23 февр. – № 44.
34. Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / отв. ред. Н.А. Хачатурян. – М.: Наука, 2006. – 484 с.

35. Точный перевод дневника его светлости эмира Бухарского / пер. И. Гаспринского. – Казань, 1894. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Sejid_abdulachad/dnevnik_peterburg2.htm (дата обращения: 09.04.2021).

36. Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. – М.: ОГИ, 2004. – Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. – 605 с.; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. – 796 с.

37. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1974. – 406 с.

References

1. Ageeva O.G. *Diplomatičeskij ceremonial imperatorskoj Rossii. XVIII vek.* [The diplomatic ceremonial of Imperial Russia. XVIII century]. – М.: Novyj hronograf, 2013. – 928 s.

2. Belyackaya A.A. *Kul'turoobrazuyushchie funkciony pridvornogo rossijskogo etiketa v pervoj polovine XVIII veka* [Cultural-forming functions of Russian court etiquette in the first half of the XVIII century]: avtoreref. kand. kul'turologii. – Saransk, 2007. – 18 s.

3. Blok M. *Koroli-chudotvorcy: Oчерk predstavlenij o sverh"estestvennom karaktere korolevskoj vlasti, rasprostranennyh preimushchestvenno vo Francii i Anglii* [Miracle-working kings: An essay on the supernatural nature of royal power, which is widespread mainly in France and England] / Predisl. ZH. Le Goffa. Nauch. red. i poslesl. A. YA. Gurevicha. – М.: YAzyki russoj kul'tury, 1998 (fr. - 1924). – 712 s.

4. Volkov N. E. *Dvor russkih imperatorov v ego proshlom i nastoyashchem: spravochnik* [The Court of the Russian Emperors in its past and present: a reference book]. – М.: Kuchkovo pole, 2013. – 320 s.

5. Gordeev P.N. *Istoriya uchrezhdeniya ministerstva imperatorskogo dvora* [History of the establishment of the Ministry of the Imperial Court] // *Peterburgskij istoričeskij zhurnal* [St. Petersburg Historical Magazine]. – 2014. – № 3. – S. 5–17.

6. Dmitriev S.V. «*Buharskie podarki*»: *starinnyj vostochnyj obyčaj v kontekste rossijsko-buharskih otnoshenij konca XIX – nachala XX v.* ["Bukhara gifts": an ancient Oriental custom in the context of Russian-Bukhara relations of the late XIX – early XX century] // *Rahmat-name: Sb. statej k 70-letiyu R.R. Rahimova / Otv. red. M.E. Rezvan.* – SPb.: MAE RAN, 2008. – S. 117–129.

7. Zhukovskij S.V. *Snosheniya Rossii s Buharoj i Hivoj za poslednee trekhstotletie* [Russia's relations with Bukhara and Khiva over the last tercentenary] – Petrograd: tipolit. N.I. Evstifeeva, 1915. – 215 s.

8. Zaharova O.YU. *Svetskie ceremonialy v Rossii XVIII – nachala XX v.* [Secular rituals in Russia of the XVIII – early XX century]. – М.: Centrpoligraf, 2001. – 329 s.

9. Zimin I.V. *Carskaya rabota. XIX – nachala XX v. Povsednevnyaya zhizn' Rossijskogo imperatorskogo dvora* [Royal work. XIX – early XX century. Everyday life of the Russian Imperial Court]. – М.: Centrpoligraf, 2011. – 580 s.

10. *Korolevskij dvor v političeskoj kul'ture srednevekovoj Evropy: Teoriya, simbolika, ceremonial* [The Royal Court in the political culture of Medieval Europe: Theory, symbolism, ceremonial] / Otv. red. N. A. Hachaturyan. – М.: Nauka, 2004. – 540 s.

11. Limanova S.A. *Oficial'nye ceremonii v gorodskom prostranstve Peterburga i Moskvy v carstvovanie Nikolaya II* [Official ceremonies in the urban space of St. Petersburg and Moscow during the reign of Nicholas II]: avtoref. kand. ist. nauk. SPb., 2013. – 30 s.

12. Lyadov P.F. *Istoriya rossijskogo protokola* [History of the Russian Protocol]. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. – 352 s. – URL: <https://imobook.ru/preview/978-5-7133-1612-9.pdf> (data obrashcheniya: 1.09.2021).

13. *Moris Paleolog. Dnevnik posla* [The ambassador's diary]. [Per. s fr. F. Ge i dr.]. – M.: Zaharov, 2003. – 829 s.
14. *Nedveckij A.G. Praviteli Buhary* [The Rulers of Bukhara]. URL: <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-praviteli-buxary.html> (data obrashcheniya: 14.04. 2021).
15. *Podarki emira Buharskogo, podnesennye Gosudaryu Imperatoru, Gosudaryne Imperatrice i drugim CHlenam Avgustejshego Doma* [Gifts of the Emir of Bukhara presented to the Sovereign Emperor, the Empress and other Members of the August House] // *Niva* [Niva]. – 1893. – № 3.
16. *Pochekaev R.YU. Vkluyuchenie Buharskogo emirata i Hivinskogo hanstva v tamozhennuyu chertu Rossijskoj imperii (1895 g.)* [Inclusion of the Emirate of Bukhara and the Khanate of Khiva into the customs border of the Russian Empire (1895)] // *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Right. Journal of the Higher School of Economics]. – 2016. – № 3. – S. 172–184.
17. *Pochekaev R.YU. Gubernatory i hany. Lichnostnyj faktor pravovoj politiki Rossijskoj imperii v Central'noj Azii XVIII – nachalo XX v.* [Governors and khans. The personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia of the XVIII - early XX century]. – M.: Izd. dom VSHE. 2017. – 381 s.
18. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 23. Op. 1. D. 106.
19. *RGIA*. F. 468. Op. 8. D. 411.
20. *RGIA*. F. 468. Op. 8. D. 732.
21. *RGIA*. F. 468. Op. 8. D. 901.
22. *RGIA*. F. 468. Op. 8. D. 928.
23. *RGIA*. F. 468. Op. 8. D. 1040.
24. *RGIA*. F. 468. Op. 8. D. 1167.
25. *RGIA*. F. 468. Op. 13. D. 2239.
26. *RGIA*. F. 468. Op. 14. D. 1000.
27. *RGIA*. F. 468. Op. 17. D. 238.
28. *RGIA*. F. 468. Op. 42. D. 901.
29. *RGIA*. F. 468. Op. 42. D. 1036.
30. *RGIA*. F. 468. Op. 44. D. 1336.
31. *RGIA*. F. 528. Op. 1. D. 52.
32. *RGIA*. F. 560. Op. 28. D. 173.
33. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti]. 1913. – 23 fevralya. – № 44. – S. 3.
34. *Svyashchennoe telo korolya: Ritualy i mifologiya vlasti* [The sacred body of the King: Rituals and mythology of power] / Otv. red. N. A. Hachaturyan. – M.: Nauka, 2006. – 484 s.
35. «*Tochnyj perevod dnevnika ego svetlosti emira Buharskogo*» ["The exact translation of the diary of His Grace the Emir of Bukhara."]. Perevod I. Gasprinskogo. – Kazan', 1894. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1880-1900/Sejid_abdulachad/dnevnik_peterburg2.htm (data obrashcheniya: 09.04.2021).
36. *Uortman R.S. Scenarii vlasti: mify i ceremonii russkoj monarhii* [Scenarios of Power: Myths and ceremonies of the Russian Monarchy]: v 2 t. – M.: OGI, 2004. – T. 1: *Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I.* [From Peter the Great to the death of Nicholas I]. – 605 s., T. 2: *Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II* [From Alexander II to the abdication of Nicholas II]. – 796 s.
37. *Halfin N.A. Rossiya i hanstva Srednej Azii (pervaya polovina XIX v.)*. [Russia and the Khanates of Central Asia (the first half of the XIX century)]. – M.: Nauka, 1974. – 406 s.